

«Культура мира» и культурная компетентность

В последние годы активно пропагандируется идея так называемой *культуры мира*, априорно антагонистичная *культуре конфронтации*. Происхождение последней обычно связывается с проблемами национальной идентичности той или иной культуры, что неизбежно превращает национальную культуру, осознавшую собственную самобытность и самоценность, в культуру конфронтационного типа. Несколько лет назад в рамках программы ЮНЕСКО «На пути к культуре мира» был разработан проект «Культура мира в России — год 2000».

В гуманитарной и социально-научной среде России проблемой *культуры мира* занимаются политологи, методологи и т.п. (что вполне понятно), однако к разработке этой темы практически не привлечены культурологи. Между тем культурологи могут сделать на этом пути многое, в особенности через каналы образования.

Какими бы высокими словами ни пытаться обозначить задачи воспитания и образования (или шире — социализации и инкультурации личности) в области трансляции общих и специализированных знаний, воспроизводства культуры и ее базовых ценностей и традиций, неизбежно придется признать, что любое узаконенное образование воспроизводит прежде всего существующий общественный порядок, подготавливая социализированных, компетентных и, по возможности, лояльных молодых участников коллективной жизни, соблюдающих нормы, правила и законы, принятые в данной стране (обществе). Разумеется, в разных сообществах складываются разные критерии лояльности и социальной адекватности личности. Однако сколь бы ни было образование деидеологизированным, оно не может быть полностью изолированным от решения задач социального воспитания личности, более или менее адаптированной к действующим нормам общественного порядка.

Собственно на признании самоценности феномена социального порядка как одной из определяющих характеристик культуры каждого сообщества строится современное культурологическое понимание места политической *элиты* в системе иных социальных страт. В идеально-типическом смысле речь идет о группе, не только наиболее обеспеченной, образованной, утонченной, имеющей приоритетный доступ к комплексу социальных благ и т.п., но главным образом выполняющей функцию поддержания и воспроизводства существующего общественного порядка и связанной с ним системы культурных норм, регулирующих поведение и сознание людей. Следует подчеркнуть, что эта элитарная функция не только политическая, но в такой же мере и *культурная*, хотя сама элита не-

редко является лишь ее социальным заказчиком, а исполнителем — интеллигенция. С этой точки зрения показательно, что интеллигенция, будучи непосредственным производителем и транслятором культурных текстов, эталонных для данной общественной системы, сама в категорию политической элиты, как правило, не вписывается.

Таким образом, добровольно, за плату или под угрозой репрессий интеллигенция создает эталонные для того или иного общественного порядка культурные тексты, манифестирующие и систематизирующие то, что в его рамках требуется от людей. Разумеется, речь идет не о «грубых» пожеланиях власти, вводимых методами насилия, но о добровольной конвенции между личностью и властью, обещающей человеку безопасность, гарантированность прав, расширение доступа к материальным и духовным благам как вознаграждение за политическую лояльность и социальную адекватность. Подобная политика по отношению к согражданам свойственна не одним лишь тоталитарным режимам, а любой сколько-нибудь вменяемой власти. Уровень вменяемости последней измеряется ее способностью сводить до минимума масштабы услуг полиции, компенсируя это расширением услуг интеллигенции и действенностью создаваемых ею культурных текстов. Одним из наиболее эффективных комплексов такого рода текстов, работающих на воспроизводство актуального общественного порядка, является *содержание* образования.

В отличие от естественно-научного и технического образования социокультурное образование сконцентрировано не столько на *объекте, предмете* и *технологии* социальной практики и познания, сколько на ее *субъекте* — *человеке*. При этом исследуются мотивационные, социально-организационные, регулятивные, информационно-коммуникативные и инновативно-творческие аспекты, а также интерпретативно-оценочные критерии деятельности человека, что в целом аккумулируется в совокупном социальном опыте людей, составляющим основу их культуры.

Хотя содержание общего образования формируется из сочетания многих предметных областей, на самом деле по совокупности речь идет о комплексном обучении человека самой тривиальной и одновременно самой экзотической из всех специальностей — профессии *полноценного члена общества*. Подобный комплекс систематических знаний и представлений, умений и навыков, традиций и ценностных ориентаций может быть назван системой *культурной компетентности личности*.

Это понятие обозначает прежде всего ту условно достаточную степень социализированности и инкультурированности индивида в обществе проживания, которая позволяет ему свободно понимать, использовать и вариативно интерпретировать всю сумму обыденных (неспециализированных) знаний, а отчасти и специализированных, но вошедших в обыденный обиход, составляющих норму *общесоциальной эрудированности* человека в

данной среде; сумму образцов, законов, обычаев, запретов, правил этикета и иных регулятивов поведения; вербальных и невербальных языков коммуницирования; систему общепринятых символов, мировоззренческих оснований, идеологических и ценностных ориентаций, непосредственных оценок, социальных и мифологических иерархий и т.п. Культурная компетентность личности может быть охарактеризована и как определенного рода утонченность параметров ее *социальной адекватности* среде проживания, как идеальная форма проявления этой адекватности.

В этом сложном феномене выделяются по крайней мере четыре структурные составляющие:

- компетентность по отношению к *институциональным нормам* социальной организации — основным социальным институтам — экономическим, политическим, правовым и конфессиональным структурам, учреждениям, установлениям и иерархиям; этот уровень компетентности обеспечивается в основном специализированными учебными дисциплинами общеобразовательного цикла, а также практикой реальной социальной жизни индивида в социуме;

- компетентность по отношению к *конвенциональным нормам* социальной и культурной регуляции (национальным и сословным традициям, господствующей морали, нравственности, мировоззрению, ценностям и оценочным критериям, нормам этикета, обычаям, обрядам, обыденной эрудиции в социальных и гуманитарных знаниях), что обеспечивается как реальным коммуницированием личности с социальным окружением, так и в процессе обучения такими дисциплинами, как история, философия, социология, этнология, искусствоведение, этика, эстетика и др.;

- компетентность по отношению к кратковременным, но остро актуальным *образцам социальной престижности* — моде, имиджу, стилю, символам, регалиям, социальным статусам, интеллектуальным и эстетическим течениям и пр.; информация такого рода, как правило, растворена в элементах многих гуманитарных дисциплин, но прежде всего обеспечивается интенсивностью контакта человека со СМИ;

- компетентность, выраженная в уровне полноты и свободы владения языками *социальной коммуникации* — естественным разговорным (устным и письменным), специальными языками и социальными (профессиональными) жаргонами, языками принятых в данном обществе этикета и церемониала, политической, религиозной, социальной и этнографической символикой, семантикой атрибутики престижности, социальной маркировки и пр. Знания в этой области дают молодежи прежде всего дисциплины лингво-филологического и исторического циклов, а также вездесущие СМИ и реальные социальные контакты со средой обитания.

Совершенно очевидно, что содержание образования и черты выстраиваемой культурной компетентности человека должны соответствовать социокультурному типу данного общества и воспроизводить соответствующую ему *модальную* личность. При этом одной из самых сложных задач для системы воспитания и образования является не столько эффективность методики и сложность организационных форм собственно обучения, сколько адекватное понимание наиболее существенных типологических признаков и черт той культурно-ценностной системы, которая реально доминирует в обществе, которая закладывается правящей элитой и должна реализовываться в социальной практике. Иначе говоря, проблема образования не в методе обучения, а в той культурной типологии, которую оно должно воспроизводить. Вот здесь-то и возникает проблема *культуры мира*, каким-то образом отличающаяся от традиционной *культуры конфронтации* как особая культурная типология.

Среди множества оснований, выделяемых в современной науке для построения исторических культурных типологий, весьма эвристичной представляется классификация, базирующаяся на типе *социальной солидарности* (или *консолидации*) и соответствующих ему основаниях *социокультурной идентичности* человека, характерных для того или иного общества. Например, в архаическую эпоху — это кровно-родственная или территориально-соседская солидарность и идентичность, в доиндустриальных городских цивилизациях — преимущественно сословные и политико-религиозные принципы социальной консолидации и самоопределения людей, а для буржуазных индустриальных обществ наиболее характерна солидарность и идентичность, основанные на этнонациональных политико-экономических интересах. В конечном счете, всякая устойчиво воспроизводимая система общественного порядка — это и есть прежде всего тип социальной солидарности, реализуемый в данном обществе, т.е. *культура мира* или *культура конфронтации*.

ВРЕЗКА 1. Образование и воспитание представляют человеку именно те особенности консолидации, образцы поведения и мироощущения, образы и нормы идентичности и солидарности, которые наиболее актуальны на данном историческом этапе развития общества, соответствуют культурным традициям и нормам его социального воспроизводства, принципам социализации и инкультурации его членов.

Более того, среди прочих можно считать вполне корректным определение культуры в целом как *системы нормативных конвенций, обслуживающих тот или иной тип социальной солидарности и социокультурной идентичности людей*.

Разумеется, это далеко не единственно возможная дефиниция культуры, просто в данном случае речь идет именно об этом ее аспекте и о социально интегративной функции культурных норм. В современных развитых обществах, которые принято называть

постиндустриальными, в последние десятилетия просматривается тенденция к определенной эволюции социокультурной типологии, в том числе по параметрам оснований социальной солидарности, социокультурной идентичности и статусных характеристик личности. Эта тенденция обычно характеризуется как *транслокальная*, направленная на преодоление исторической инерции солидарности конфронтационного типа (т.е. когда «наши» выявляются только через оппозицию к «не нашим»), стремящаяся к *мультикультурному синтезу* различных культурных установок и черт, высоких технологий и архаических традиций, разнообразных информационных кодов, культурных языков и т.п. Одной из важнейших черт этой тенденции является поиск технологий так называемых *мягких социальных взаимодействий*, выражающихся во всемерном развитии систем социального участия, общественных связей, политкорректности, социально-культурной и социально-психологической реабилитации людей, испытывающих трудности в общении, а также того направления образовательно-воспитательной деятельности, которая в нашей стране получила название *социальной педагогики*. Отчасти с этой направленностью корректировки социальных отношений связано и всеобщее увлечение психоанализом, стремлением людей снять свою подсознательную склонность к агрессии не прямым ее проявлением, а с помощью специалистов-психологов. Основания для общественной консолидации при этом просматриваются преимущественно как экономико-социальные, базирующиеся на избыточном производстве различных социальных благ, что теоретически должно снимать проблему социальной конкуренции (как при коммунизме) и объединять людей в возрастающей динамике потребления этих благ (как при капитализме).

Великолепную концептуальную идею на этот счет высказал Вацлав Гавел. По его мнению, одной из основ доминирующей конфронтационности между обществами является искусственная (главным образом, идеологически мотивируемая) абсолютизация какого-то одного из оснований социальной самоидентификации (например, только этнического или религиозного). В то время как одновременная и взаимокompенсирующая гетерогенность таких идентифицирующих признаков, минимизирующая собственную значимость каждого из них в отдельности, может стать серьезным основанием для снятия конфронтационности в отношениях между людьми и сообществами.

На практике, конечно, до подобной социальной идиллии еще далеко, но проблема снижения уровня культурной конфронтации и напряженности в развитых обществах, которые становятся все более многонациональными, начинает, судя по всему, сдвигаться с мертвой точки, благодаря в том числе и массовой культуре во всем многообразии ее проявлений: от художественных и религиозных — до стандартизации параметров моды,

имиджа и выравнивания гендерных позиций, «политкорректности», снимающей напряженность в сфере культурных коммуникаций, и т.п.

Другим важнейшим условием для становления новой социокультурной идентичности гражданина современного общества является понижение социальной значимости традиционных статусных маркеров личности, таких, как *сословное происхождение, национальность, раса, вероисповедание*. Эти признаки, ранее игравшие большую роль в формировании социального положения и определении ролевых функций человека, постепенно вытесняются в нишу сугубо частных личностных проявлений, вкусов и пристрастий. В то время как основными статусообразующими характеристиками личности становятся параметры ее профессионализма: образованность, специализированность, квалификация, актуальность профессии и динамика должностного роста. ВРЕЗКА 2. Основными составляющими социокультурной компетентности человека в обществе становятся не столько знания классических образцов гуманитарной культуры (это знание постепенно вытесняется из области общей эрудиции личности в зону сугубо профессиональной компетентности), сколько психологическая мобильность и коммуникабельность индивида, его социальная адаптивность и культурная толерантность. При этом перечисленные характеристики вовсе не отменяют функционирования более традиционных черт культурной компетентности; у последних просто снизился уровень общесоциальной значимости, и они оказались оттесненными преимущественно в сферу частных межличностных отношений. Ситуация с образами самоидентификации «массовой личности» стала меняться в начале Нового времени вместе с постепенным переходом на индустриальные технологии материального производства, Великими географическими открытиями, изобретением книгопечатания, Ренессансом, Реформацией, Просвещением, буржуазными революциями и т.п.

Формирующийся новый тип социальной организации сообществ — тип *индустриальных городских цивилизаций*, основанных на снижении роли сословных, религиозных и иных ограничений в деятельности, на более интенсивном использовании трудовых и творческих способностей людей, на условиях свободной конкуренции самореализующихся личностей, на постепенном становлении всеобщей грамотности, росте объемов и динамики циркулирования информации, на демократизации процедур самоуправления общества и др., — создал и новый тип культуры — *национальный*.

Разумеется, основой становления этого типа культуры явилось формирование *наций* — коллективов сограждан государств (или их экономически самостоятельных регионов с выраженной этнической спецификой), объединенных общностью интересов не только *мемориального* (традиционного) и *актуального* (производственно-дистрибутив-

ного), но также и *прогностического* характера, что, как правило, связано с целеустановкой на *прогресс*, на политико-экономическое и социально-культурное развитие и повышение благосостояния всей нации как целостности.

Национальный тип культуры отличается от сословного принципиально более высоким уровнем унифицированности своих черт и стандартизации параметров *культурной компетентности* человека в обществе. Это достигается прежде всего посредством *всеобщего просвещения (начального или среднего образования)*, внедряющего определенные национальные стандарты общей научной, социальной и гуманитарной эрудированности личности, «рекомендуемых» мировоззренческих установок и ценностных ориентаций. Другим важнейшим механизмом функционирования национальной культуры являются *средства массовой информации*, формирующие в общенациональном масштабе общественное мнение, систему предпочтений, стереотипы поведения, вкусы, моду и т.п. (что возможно только в ситуации практической поголовной грамотности населения) и обеспечивающие совместно с *институтами политической демократии* обратную связь между обществом и властью. И, наконец, еще один важнейший регулятор динамики национальной культуры — *культурная политика*, осуществляемая правящими элитами и преследующая цели манифестации *стандартов социальной адекватности* (соответствующих интересам и идеологии этих элит) в качестве эталонов *социальной престижности*, которые уже внедряются в сознание людей через каналы образования, СМИ, политической пропаганды, деятельность различных культурных институтов (сферы искусств и организованного досуга, музеев, библиотек и т.п.).

Культурная компетентность личности эпохи *национального романтизма* имела выраженное тяготение к эрудированности в области национальной истории, литературы, искусства, мифологии и т.п. По существу то, что сегодня называют «развитой гуманитарной культурой личности», складывалось именно под влиянием идей национального романтизма и основывалось прежде всего на хорошем знании истории (как ни парадоксально, но не столько в ее профессиональном, научном, сколько в художественно-литературном изложении). Культурная компетентность описываемого типа — это сознание рядового (массового) обывателя, мистифицированное ничуть не меньше, чем у религиозных фанатиков «темного средневековья»; только предмет мистификации здесь уже несколько иной: *они хуже нас* не потому, что неправильно веруют в Бога или говорят на своем «дурацком» языке (это приобретенные, следовательно — изменяемые в процессе миссионерской деятельности признаки), а потому, что имеют врожденные «плохие» черты — цвет кожи, форму носа, — и другие генетические признаки, потому, что у *нас* власть принадлежит передовому классу или исторически перспективной и генетически здоровой нации,

а у *них* — все еще нет. Таким образом, культурная идентичность эпохи «национального романтизма» обрела все более агрессивный характер. Защита национальной самобытности все чаще становилась универсальным основанием для насилия по отношению к другим народам (точно так же, как в эпоху средневековья универсальным основанием для массового насилия была «чистота» религиозного вероисповедания).

По существу этот самый «национальный романтизм» и стал главной мировоззренческой основой содержания социокультурной идентичности «массового человека» в большинстве индустриальных обществ Нового времени. Любой учебник по истории, литературе и иному гуманитарному предмету так или иначе убеждал человека в величии его нации, героической и славной национальной истории, безусловной правоте и благородстве его народа во всех прошлых и настоящих деяниях, в страданиях и унижениях, которые он претерпел от своих соседей, в его выдающихся по своеобразию и мировой значимости культуре, литературе, искусстве и пр. При этом содержание учебных дисциплин строилось преимущественно на так называемой *конфронтационной солидарности* — консолидации на основе неприязни к другим, самооправдания за счет чьего-то обвинения, самовосхваления за счет чьего-то унижения и т.п. Не следует забывать, что не отрефлексированные традиционные элементы культуры — это одно из самых универсальных оснований для *массового насилия*.

Бурные события XX века — мировые войны, коммунизм, нацизм, геноцид миллионов людей, массовая деколонизация 60-х годов и т.п. — существенным образом изменили отношение как к национальной, так и к социальной, религиозной и иной идеологически обоснованной розни между людьми в общественном мнении большинства стран. Слово «национализм» стало почти что ругательным. Интеллектуальная мысль в очередной раз в истории человечества активизировалась в поисках *неконфронтационных* форм социальной и национальной солидарности и *ненасильственных* методов разрешения социальных и национальных противоречий. Такого рода перемена в общественных целеустановках оказалась связанной с новым этапом технологической и социальной эволюции — постепенным переходом наиболее активно модернизирующихся сообществ на *постиндустриальный* уровень развития, самоорганизации и регуляции.

ВРЕЗКА 3. Принципиально важным событием, радикальным образом повлиявшим как на направленность социальной динамики сообществ в целом, так и на состояние национально — культурной сферы их бытия в частности, стала так называемая *информационная революция* второй половины XX века, в результате которой стали формироваться глобальные информационные сети, транснациональные мультимедийные системы и т.п. Соответствующим образом возросла национальная культурная открытость, способность к

взаимообмену культурными формами, новациями, опытом. Впервые в истории человечества появилась техническая возможность формирования не только региональных, но и общепланетарных коммуникативно-деятельностных систем, поначалу в узкоспециализированных отраслях знания и практики, а затем и в общедоступных областях социокультурной жизни.

Размывание сословно-классовых социокультурных различий, существенно трансформировавшихся уже в период индустриальной цивилизации, вступило в новую стадию, характерную все большей дробностью и более глубокой специализированностью социально-функциональной стратификации населения постиндустриальных обществ. Ныне такого рода стратифицированность уже фактически не определяется различием в происхождении людей, их социальной, национальной или религиозной принадлежности. В современную эпоху социальная стратификация во все возрастающей мере определяется профилем, глубиной и качеством *образования*, получаемого каждым человеком персонально. А это создает принципиально новую ситуацию, практически не встречавшуюся ранее в истории: *социокультурная компетентность* человека впервые становится *персонализирующим* признаком его личности, чертой его *индивидуальности*, приобретаемой главным образом посредством образования и личного духовно-интеллектуального развития, а не в связи с происхождением или принадлежностью к той или иной социальной, этнической, конфессиональной и иной группе. Каждая личность во все большей мере становится автономным интерпретатором усвоенных культурных образцов и творцом новых (по крайней мере для персонального употребления), все менее ограниченной в этом праве какими-либо традиционными запретами (что не в последнюю очередь связано с ростом технических возможностей для такого рода культурной «монадизации» членов современного общества).

Одним из наиболее наглядных проявлений последней тенденции стала *массовая культура*, которая за последние три десятилетия фактически превратилась в образец *мультикультурности*, гетерогенности как принципа развития, не стесненной никакими видимыми рамками национальных традиций и ограничений по возможностям синтезации и использования различных культурных форм, языков и стилей. Это в равной мере касается как источников подобного фактурного многообразия, так и границ распространения культурной продукции. Другой влиятельной тенденцией, имеющей схожую *мультикультурную* направленность и во многом определяющей развитие интеллектуальных рефлексий и художественных поисков последних двух десятилетий, является *постмодернизм*, сформулировавший теоретические основания понимания и интерпретации описанных выше тенденций культурного синкретизма, релятивизма, формально-стилевой всеядно-

сти, сугубой условности и конвенциональности культурных норм. В соответствии с постмодернистской парадигмой мозаика исторических локальных культур и системность их самобытных черт являются случайными, фантомными, неоднородными, неустойчивыми; а то, что принято называть нормой и традицией, представляется в существенной мере плодом ангажированного воображения исследователей, абсолютизирующих *относительно* повторяющиеся явления в качестве *обязательно* повторяющихся и т.п.

Разумеется, рассматриваемым явлениям в современном мире сопутствуют и совершенно противоположные тенденции роста национального и традиционного самосознания, религиозного фундаментализма, взрыв этнического сепаратизма и экстремизма, распад многонациональных империй и федеративных образований и т.п. Не стоит забывать, что сегодня на Земле одновременно сосуществуют многие сотни человеческих общностей — наций, этносов, этнографических и племенных групп, — находящихся на самых разных стадиях социальной эволюции, демонстрирующих буквально все когда-либо имевшие место в истории типы *социокультурной организации* и уровни *развития*. В их числе немало этносов, находящихся в переходных состояниях — в процессах становления сословных обществ на базе родоплеменной структуры типа «военной демократии» или буржуазных наций на основе феодальных народностей. Как правило, именно среди подобных групп и наблюдаются наиболее агрессивные проявления сепаратизма, национализма, фундаментализма и другие формы конфронтационного самоутверждения. Разумеется, из этого правила есть исключения, но они единичны.

Формирование и освоение новой, *постнациональной* картины мира в разных сообществах и разных социальных стратах происходит очень неравномерно. ВРЕЗКА 4. Помимо той части молодежи, для которой подобного рода культурная «плюральность» является одним из характерных маркеров групповой идентичности, в мультикультурной ситуации легче адаптируются люди, являющиеся высоко специализированными профессионалами в какой-либо значимой отрасли знания и деятельности. Поэтому описываемая картина мира, в целом, быстрее укореняется в обществах с более высоким уровнем профессионализации и специализации (следовательно, и образованности) населения, в большей степени вовлеченного в международное разделение труда, там, где знания и технологии, экономические и информационные запросы, социальные и эстетические интересы людей действительно не имеют национальных границ. В таких обществах высококлассные специалисты, как правило, мобильны — не только постоянно бывают в зарубежных командировках, но и неоднократно, нередко подолгу работают и стажировались в разных странах, где на их профессионализм имеется спрос. Таким образом складывается новое понимание категорий *космополит* и *гражданин мира*. Это уже люди не «вне на-

ций», а высоко специализированные профессионалы «вненационального применения».

Перед современным обществом раскрываются три подхода к формированию основополагающих характеристик культурной компетентности личности, как в рамках традиционной *культуры конфронтации*, основанной на исторически оправдавшей себя традиции различения «наших» и «не наших» и априорной невозможности преодоления такого противопоставления (см. теорию «столкновения цивилизаций» С.Хантингтона), так и в рамках умозрительно разработанной мыслителями *концепции мира*, теории *неконфронтационной солидарности*, что можно рассматривать как различные парадигмы формирования и социального воспроизводства личности, общества и общественного сознания.

Первый подход можно назвать *донациональным*, *традиционалистским* или *этнографическим*. С позиций этого подхода культура трактуется как сумма фольклорных обычаев и традиций повседневной жизни преимущественно сельского населения. При этом сами этносы рассматриваются как чисто декоративные образования («хранители народных обрядов и ритуалов», «исполнители народных песен и танцев»), не имеющие никаких специфических политических интересов и способные легко вписаться в любую политико-идеологическую схему, которую им предложат исторические обстоятельства (властители, правящая элита и т.п.). Этот подход, в существенной мере характерный для дореволюционной национальной политики России и возрожденный в 1930-х гг. в СССР в идеологеме *дружба народов*, негласно подразумевающей регулирование этнонациональной ситуации в стране не по историческим реалиям, а по политической целесообразности на данный момент, направлен на политическое и идеологическое регулирование реальных политических и национальных противоречий между социальными и этническими группами (прежде всего объемами экономической поддержки тех или иных народов). Воспитание людей в ключе подобного понимания культуры в целом и «национального вопроса» в культурном развитии в частности ориентировано на отождествление *национального с этнографическим*, утверждение приоритета фольклорной (этнографической) культуры над специализированной (элитарной, профессиональной), определение функций культурной жизни прежде всего как системы воспроизводства традиций, охраны художественного и этнографического наследия.

Второй подход является собственно *национальным*. В его основе лежит в той или иной степени выраженная абсолютизация этнокультурных и религиозных различий между народами в их социально-экономических, политических, идеологических, ценностных и прочих интересах и такая же абсолютизация социально-классовых противоречий между разными стратами внутри каждого народа, а главное — сомнение в возможности страте-

гического компромисса между этносами и классами в этих вопросах. Крайними проявлениями такого подхода являются нацизм и большевизм, более умеренными — разного рода «почвенничество», «национал-патриотизм», «неокоммунизм», «государственничество» и т.п. В конечном счете именно эта социально-национальная идеология (при разных уровнях своего радикализма) обычно свойственна формирующимся и развивающимся буржуазным нациям и до последнего времени являлась наиболее типичной при рассмотрении вопросов национальных и социальных отношений в содержании образования большинства стран. Однако сегодня эта идеология признается не только безнравственной, но и противоречащей тенденциям развития человечества, постепенно превращающегося в *системное содружество наций*.

Третий подход — *постнациональный*. В его основе лежат такие рассмотренные выше принципы, как: 1) *неконфронтационная солидарность людей*; объединение человечества вокруг общих ценностей перед лицом грозящей экологической (военной и техногенной) катастрофы; 2) отношение к этносам и социальным стратам как к носителям локальных комплексов исторического социального опыта, очень различающимся, но принципиально не противоречащим друг другу, доступным пониманию со стороны, совместимым, синтезируемым в своих культурных чертах и т.п.; 3) *доминирующая толерантность*, плюральность и релятивность во всех вопросах культурной формы (в отличие от системы *культурных содержаний*, в целом остающейся на просвещенческо-прогрессистских позициях), эклектичная мультикультурность как принцип формообразования; 4) *отмена национальности* в качестве одного из публичных маркеров социальной идентичности человека, вытеснение этого вопроса в область частной жизни индивида (как и вопросов его социального происхождения, религиозности, идеологии и членства в политических партиях, сексуальной ориентации, состояния в браке и т.п.) и проч. Разумеется, все эти идейные принципы вполне тривиальны и разрабатывались многими поколениями мыслителей на протяжении тысячелетий. Просто, как уже говорилось выше, благодаря информационной революции и переходу к постиндустриальным технологиям производства, управления и коммуникации у человечества впервые возникла *техническая возможность* реализовать по крайней мере некоторые из идей подавления конфликтогенного потенциала этничности.

Вместе с тем, при всей важности этнонационального аспекта в становлении культурной компетентности граждан того или иного общества не менее значимой в этом вопросе остается и *социальная стратифицированность* этого общества. Разумеется, в современных индустриальных и тем более постиндустриальных обществах социальная стратификация весьма далека от прежних сословно-классовых характеристик. Здесь ско-

рее следует говорить о группах, полностью инкультурированных в отношении задаваемых в данном обществе образцов социокультурной адекватности, и группах мигрантов («внешнего пролетариата»), находящихся на различных стадиях ассимиляции и аккультурации в стране пребывания. Существенную роль в управлении этими процессами играет общая тенденция западных обществ в выработке так называемых мягких *технологий социального взаимодействия*, выражающихся порой в парадоксальных проявлениях пресловутой политкорректности (особенно в ее национально-расовом проявлении), заметного в последние годы смягчения жесткости политико-идеологической пропаганды (не только в ее антикоммунистическом аспекте, что уже потеряло практическую актуальность, но и пропаганды западного образа жизни, как единственно достойного, правильного и т.п.).

В России ситуация усложняется в связи с фактически деградировавшей прежней формой социального расслоения, сломом прежних путей и каналов осуществления социальной мобильности населения, трансформацией прежних элит и не наладившейся системой их воспроизводства, а также еще практически не сформировавшейся новой стратификационной модели. В этих условиях говорить о каких-либо параметрах *общенациональной культурной компетентности* для большинства российского населения не приходится. Даже государственные образовательные стандарты, являющиеся важным средством выравнивания черт культурной адекватности, имеют очень небольшое влияние на эту ситуацию, поскольку задают в качестве общенациональной нормы параметры гуманитарной эрудиции *интеллигентской субкультуры*. Вместе с тем, как из собственного, так и из мирового опыта известно, что интеллигентская субкультура по определению не может стать общенациональным и общесоциальным образцом, хотя в рамках российской национальной традиции понятие *культурности* человека в существенной мере сводится к уровню его гуманитарной эрудированности, т.е. к уровню интеллигентности, в отличие от западной традиции, где *культурность* — это прежде всего социальная адекватность и воспитанность, соответствующая реальному социальному статусу личности.

Интеллигентность — в ее социально-функциональном преломлении — это *интеллектуальная специализация* сравнительно небольшой группы особо талантливых, образованных, широко эрудированных и специальным образом мотивированных людей на рефлексию и формулирование тех самых правил игры социального общежития, о которых шла речь в начале статьи. Это особенный (эксклюзивный) социальный заказ, распространяющийся на очень небольшую часть населения. Ни одно общество не может позволить себе специализировать на этой рефлексии более 5 — 10% сограждан. Ни в одной нации не найдется большего процента людей с требуемым уровнем природных интеллектуальных способностей, с соответствующей креативной психоэнергетикой, уров-

нем социальных амбиций и проч., и, соответственно, интеллигентская субкультура не может стать актуальной даже для большинства городского населения.

При отсутствии в России сколько-нибудь заметного *среднего слоя* — по материальному достатку и социальным притязаниям — социальной группы, наиболее заинтересованной в становлении описываемых социальных характеристик культуры, проблема формирования параметров общенациональных стандартов социальной адекватности и культурной компетентности приобретает в известной мере виртуальный характер. Теоретически эта задача должна решаться в рамках двух параллельно развивающихся тенденций. Во-первых, в виде стихийного процесса нормативно-ценностной адаптации населения к реалиям социально-экономического состояния общества. Какие бы великодержавные амбиции не волновали умы и сердца некоторых сограждан, совершенно очевидно, что рано или поздно эти амбиции подвергнутся существенной корректировке на основании признания реальных возможностей страны и ее места в общем мироустройстве. Понимание некоторых реалий в свою очередь задает людям определенные социальные ожидания и культурные требования к себе и окружающим, которые и станут наиболее объективным выражением исторически возможной (на данном отрезке времени) культурной компетентности основной массы населения. Разумеется, интеллигенция сохранит культурный уровень, отражающий пиковые достижения общества в прошлом, и будет беречь его до лучших времен. И, во-вторых, параметры исторически и социально доступной для данного времени культурной компетентности должны рефлексироваться, выстраиваться, формулироваться в ходе усилий специалистов, профессионально отслеживающих социальные процессы в стране и стимулирующих скорейшее созревание и внедрение необходимых ценностных ориентиров в массовое сознание, трансляцию их подрастающим поколениям посредством воспитания и образования.

Собственно задачи формирования и развития в России той *культуры мира*, о которой речь шла с самого начала, сводятся не к выработке «правильной» идеологии (и даже методологии) постановки и решения этого вопроса, сколько к естественной социальной обусловленности соответствующего состояния общественной нравственности как *неизбежной*, вне которой обществу практически невозможно выжить в качестве *устойчивой социальной целостности*. В специфических российских условиях принять активное участие в определении и артикуляции этой программы национального этноса следует плеяде профессионалов-культурологов (в первую очередь работников системы образования).

К сожалению, до понимания этой интеллектуальной сверхзадачи современности (а по существу единственной перспективы *морального спасения* нации, вывода ее из состояния социальной напряженности, ставшего привычным) как со стороны чиновников сис-

темы образования, так и большинства ректоров российских вузов, руководства многочисленных российских академий наук и т.п. еще далеко. Напротив, начинают доминировать «антикультурологические» тенденции в образовании и науке. И это может не оставить культурологам никаких надежд на то, что профессиональная рефлексия в отношении феномена культурной компетентности и социальной адекватности современной личности в обозримом будущем будет востребована в обществе и практически реализована в программах воспитания и образования.